

ДОСЛІДЖЕННЯ ЕТАПІВ СПІЛЬНОЇ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ І МОЛДОВИ: ЗАГАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ

УДК 902(477+478)

ВЗАИМОСВЯЗИ ГРЕКОВ И ВАРВАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРУТО- ДНЕСТРОВСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В ЭПОХУ ЛАТЕНА

О. Мунтяну

доктор исторических наук, доцент,

Государственный педагогический университет имени И. Крянгэ, Молдова

Відносини населення Карпато-дунайсько-понтського району з мешканцями південних Балкан мають тисячолітні традиції. Доказом цього є свідчення давніх авторів, а також й джерел матеріальної культури. Оригінальні елементи південних Балкан були засвідчені в археологічних пам'ятках на північ від Дунаю з часів енеоліту, коли існували доіндоевропейські племена. У статті характеризується вплив цих зв'язків на різні галузі: комерційні і дипломатичні, військові і шлюбні, духовні і торгівельні. Важливо відзначити, що ці відносини мали не лише односторонній вплив (передача грецьких цінностей до варварського світу), а й зворотній процес, добре обмежений численними імпульсами, від варварського середовища до грецької цивілізації.

Ключові слова: *гети, грецькі колонії, Латен, культурне втручання, торгівля, монети, архітектура.*

Отношения населения Карпато-дунайско-понтийского региона с жителями территорий южных Балкан имеют тысячелетние традиции. Свидетельством этих отношений являются как тексты древних авторов, так и источники материальной культуры. Таким образом, начиная с Гомера, фракийские племена появляются на страницах древнегреческих произведений в самых разных ситуациях и контекстах. Более того, элементы южно-балканского происхождения засвидетельствованы в археологических памятниках к северу от Дуная, начиная с эпохи энеолита, когда там жили доиндоевропейские племена. Они были увековечены на протяжении длительного времени в различных формах: от элементов косвенного влияния и импорта – до элементов, вытекающих из фактического присутствия.

С притоком индоевропейских племен греков на Балканы эти отношения поднимаются на новый уровень, постоянно укрепляясь и расширяясь. Одним из основных факторов, способствовавших углублению этих отношений, явился феномен великой греческой колонизации. Определенные несколькими факторами, как внутренними, так и внешними, но в значительной степени экономическими условиями, массивные греческие группы мигрировали на территории, которые могли способствовать решению тех проблем, создававшихся на их родине. Среди этих территорий были и прибрежные регионы Понта Эвксинского, характеризовавшиеся относительно мягким климатом, в достаточной степени схожим с климатом тех регионов, откуда они прибыли, обширными и влажными равнинами, а также обильными и чистыми водами. Немаловажным был и тот факт, что население Причерноморья было достаточно развитым, чтобы реагировать на предложения греков и на создание взаимовыгодных отношений. Таким образом, на черноморском побережье вскоре появился ряд греческих поселений, а процесс их образования получил название великой греческой колонизации. Не вдаваясь в подробности самого этого

явления, еще сегодня продолжающего преподносить массу головоломок для исследователей, отметим роль этих поселений, посредством которых развивались отношения греков с варварским миром в этом регионе, включая северные фракийские племена. В частности, природа этих связей наблюдается на основе археологических материалов, подчеркивая самые разные области, из которых коммерческий обмен имел самый яркий характер.

В данном контексте на первом плане находятся торговля вином и маслом, о чем свидетельствуют открытия внушительного количества сосудов для перевозки таких продуктов – амфоры. Самые ранние из них, которые были обнаружены в поселениях интересующего нас региона, относятся к VI-V векам до н. э. [1]. Правда, в том временном отрезке их число было еще довольно низким, но начиная уже с IV-го века до нашей эры, амфорные находки были естественным и устойчивым явлением. Кроме того, в некоторых поселениях IV-го и III-го столетий до н.э. объем амфор достигает 25% от общего количества собранной керамики [2], указывая, тем самым на степень коммерческой интенсивности. В то же время разнообразие областей происхождения этих артефактов [3] недвусмысленно предполагает территориальную экспансию данного явления. Во II-I веках до нашей эры процесс продолжался почти с той же интенсивностью, свидетельствуя, в контексте новой конъюнктуры, о существовании некоторых территориальных исключений [4]. Другим направлением обмена стала торговля керамикой. Относительно редкие находки греческих чернолаковых сосудов, относящиеся к IV-III-им векам до н. э., заметно увеличились в открытиях, относящихся ко II-му веку до нашей эры. Материал, формы и назначение этих сосудов были весьма разнообразными, указывая не только на изысканный вкус местной аристократии, но и на ее способность удовлетворять эти вкусы [5]. В этом же контексте следует обратить внимание и на торговлю бронзовыми и серебряными изделиями, число которых, конечно, не так велико, но и не так мало численно, чтобы игнорировать [5]. Также отмечена торговля стеклянными предметами и особенно артефактами из стеклянной пасты [6]. Довольно редко, но все же засвидетельствованными являются предметы из категории украшений и туалетных принадлежностей [5]. Что касается товаров, предлагаемых местными жителями греческим торговцам, то, по данным Василия Пырван, которые указывают на зерно, крупный рогатый скот, шкуры, шерсть, мед, воск.

Наличие греческих продуктов на территориях, населенных гето-даками, несомненно, результат коммерческих отношений, поддерживаемых с жителями различных центров греческого мира. Еще одним доказательством в этом плане являются нумизматические открытия, в которых изобилует практически вся территория, населенная северными фракийцами, а также открытия домонетных эквивалентов. В качестве домонетных эквивалентов уместно отметить наконечники стрел, используемых в северо-западной части Понта на ранней стадии коммерческих контактов, поддерживаемых греческими колонистами с фракийским и скифским мирами. На сегодняшний день знакомы тысячи наконечников стрел, обнаруженных в кладах или изолированно, и чья функция как средство обмена уже давно признана специалистами [7]. Мы присоединяемся к предположениям, высказанным В. Кожокару, допускающего, что появление доденежного знака в форме наконечников стрел в северо-западном Понтийском пространстве – это результат влияния контактов, которые еще с ранних этапов поддерживали ионические колонисты с фракийцами и кочевниками из северо-понтийской степи как с партнерами в торговых отношениях. Более того, очень возможно, что мы имеем дело с нумизматическим изобретением фракийцев или скифов [8]. В этом же контексте заслуживает внимания еще одна гипотеза В. Кожокару, согласно которой не только обменные эквиваленты, но и распространение культа Аполлона Целителя могут отражать контакты, поддерживаемые греками с «варварским» населением, для которых лук был основным оружием. Исходя из этого аспекта, не наблюдаемого непосредственно в других регионах Ойкумены, Аполлон достигает статуса наиболее важного защитного божества

города в Аполлонии, Хистрии и Ольвии. Он имеет статус защитного божества, призванного облегчить прямые контакты между греческими колониями на побережье и «добрым диким» носителем лука (будь то западно-понтийские фракийцы или скифы в их миграции на Запад) [8].

Наряду с наконечниками стрел, начиная с V века до нашей эры, были распространены первые монеты, называемые «дельфинами». Древнейшие греческие монеты, найденные на территории Пруто-Днестровского региона, относятся ко второй половине V-го в. до н. э. Они представляют эмиссию Хистрии [9], за ними следуют монеты из Тиря [10], Ольвии [11], Кизики [12] и македонские монеты [13]. И если их оборот оставляет место и для других интерпретаций, то варварские монеты типа Хушь-Вовриешти (имитирующие тип монет Филиппа II-го), которые имели большой оборот на молдавских территориях, несомненно, отражают экономические потребности [14]. Чрезвычайно интересны монеты более поздних скифских царей, отчеканенные в греческих городах побережья. Таким образом, во II веке до н. э. шесть династий с иранскими именами чеканили монету по греческой модели на территории нынешней Добруджи. До сих пор известно около ста бронзовых экземпляров разных типов и вариантов с изображениями греческой иконописи и с антропонимами Канитес, Хараспес, Тануса, Акросас, Айлиос и Сариакес [15].

Примерно к этому же времени относятся и бронзовые эмиссии короля Скилуроса, а в I веке н. э. Ольвийский монетный двор помог узаконить власть сарматских династов Фарзоя и Инисмея, имена которых появились на золотых статерах и на серебряных экземплярах [16]. Примечательно, что область распространения «скифских» монет в значительной степени соответствует территории, в которой замечено обращение домонетных эквивалентов в виде наконечников стрел. Речь идет о греческих городах, расположенных на северо-западном побережье Черного моря, а также их ближайшей окрестности. Такое распределение, считает В. Кожокару, может свидетельствовать о наличии на этих землях греко-варварского рынка еще с VI века до н. э. [17]. Еще более интересным, с точки зрения исследователя из Ясс, является обсуждение иконографии на упомянутых выше монетах. В Добрудже знакомы только мотивы, которые часто встречаются именно на эмиссиях греческих городов данного региона. Если даже в этом смысле греческое влияние настолько очевидно, насколько это возможно, стоит обратить внимание на то, что существуют признаки, которые позволили бы допустить возможность обратного влияния оказываемого «варварской» средой на греческий мир [17].

Но торговля была не единственной областью, в которой прослеживаются отношения греков с гето-даками. Несмотря на то, что их спектр был, возможно, шире, чем тот, с которым мы сейчас сталкиваемся, имеющиеся в настоящее время источники указывают лишь на их ограниченное число. Таким образом, в области производственной деятельности невозможно представить скачок, сделанный гето-даками, вне технических и технологических инноваций. Например, для аграрного прогресса значительным было введение в технический оборот плуга с железным лемехом, форма которого, по-видимому, так же была перенята у греков, правда, скорее, посредством южных фракийцев [17]. По-видимому, греческого происхождения также были и ряд специализированных инструментов, применяемого гето-дакийскими мастерами в области металлургии, а часть из них могла даже принадлежать греческим ремесленникам, использовавшим их непосредственно на территории Дакии [17]. Особенно интересны данные, связанные с медицинской деятельностью. В этом смысле больше чем убедительными представляются бронзовые пинцеты из Брад и Пояны, которые, вероятно, принадлежали местным «целителям», а также исключительный медицинский комплект из Грэдиштя Мунчелулуй, который является собственностью «хирурга», греческого происхождения [17].

Связи политического, а точнее, военно-политического характера не остаются за пределами отношений между греками и гето-даками. В качестве подтверждения могут служить как письменные, так и археологические источники. Таким образом, эти

отношения могут быть выведены из анализа денежного обращения, особенно эллинистических монет. Допускается, что обнаруженные монеты (по крайней мере, часть из них), скорее всего, могли быть платой за различные политические договоренности, чем результатом чисто коммерческой деятельности (что, конечно, не означает полного пренебрежения последним) [18]. Утверждение также может быть подкреплено некоторой письменной информацией, в которой такие «сделки» прямо упоминаются [19]. На самом деле, отношения не являются не долговременными и не оставляют место для типичных греческих политико-дипломатических обычаев. Скорее всего, их можно квалифицировать как результат угроз, вторжений или вымогательств со стороны варваров – все для того, чтобы получить платный, но не совсем стабильный протекторат [20]. В качестве примера можно привести военно-политический альянс, заключенный между Калатисом и соседними городами, а также со скифами и гетами против Лисимаха [21]. Выкуп мира также вытекает из почетного указа в честь Менискоса, сына Феодоса, который был участником делегации, отправленной к воинствующим варварам [22].

Более яркими, в этом смысле, являются хистрианский указ в честь Агафокла, сына Антифилоса, или ольвийский указ в честь Никаратоса, сына Папия [22]. Также стоит обратить внимание на то, что влияния достигли сферы организации определенных институтов власти. Должностные лица, возглавлявшие цитадели, а также те, кто координировал аграрную деятельность, не говоря уже о функциях посла (таких, как та, которая принадлежала Акориону во время переговоров с римлянами во времена правления Бурбиста), несомненно, были основаны на эллинистических моделях [22]. Долгосрочные связи гето-даков с греческим полисом, будь то экономического или политико-военного характера или же менее заметного характера, также оказали влияние на такую чувствительную сферу, как духовность. В этом отношении освоение греческого языка и греческой письменности (даже если речь шла лишь о небольшой группе населения) имело особое значение в процессе организации и развития гето-дакийского общества [22].

Дополняя вышесказанное, отметим, что элементы греческого происхождения можно выделить особенно в архитектуре, как военной, так и гражданской, в частности в случае военно-оборонительных сооружений. Самые древние оборонительные элементы греческого происхождения доходят во времени до VI-III веков до н.э., будучи особенно характерными для восточных районов [23]. В последующие столетия этот феномен продолжал развиваться, правда, с определенным географическим сдвигом в пользу внутрикарпатских регионов [22] и в то же время усиливаясь и углубляясь. Чтобы быть более убедительными, вкратце проиллюстрируем влияние греческого архитектурного искусства на эволюцию гетской архитектуры, основываясь на памятниках Пруто-Днестровского региона. Эти влияния различались как по интенсивности (в зависимости от пространства и периода), так и по сфере влияния.

В общем, в восточных карпатских землях традиция укрепления жилых пространств, а также мест, имеющих стратегическое значение, зафиксирована еще с доисторических времен. Таким образом, мы можем говорить о распространении общих элементов оборонительного характера, широко используемых в древнем мире, а также специфических местных элементов. Среди наиболее часто практикуемых элементов – валы, которым предшествует ров. Их топографическое расположение, планиметрия и строительная техника претерпели постоянные усовершенствования: они начали с элементарного ограждения территорий простыми частоколами, продолжив обустройством валов путем укладки выкопанной почвы из пространства будущего рва, доходя до сложных палисадных построек. У гетов на ранних этапах эти элементы гармонично переплетались с элементами греческих традиций, а затем стали перениматься некоторые готовые компоненты, не исключая, что некоторые из них были результатом непосредственной работы греческих мастеров. Примером сочетания традиций могут служить конструктивные элементы нескольких укреплений, где мы находим различные

комбинации камня для строительства частей оборонительной системы, выделяя несколько вариантов.

Так, один из вариантов использования камня подразумевает их отложение относительно больших размеров у основания фортификации без использования связующего материала. В городище Рудь, например, у внешней основы вала № 4 прослеживается слой массивных необработанных камней, над которым лежал слой земли [35]. Вал № II в Бутучень имел в основании слой камней размерами до 0,7x0,4 x0,2 м, расположенных равномерно друг над другом, над которым настился слой гальки, а затем – уплотненный грунт в сочетании с деревом [24]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в конструкции вала № III из той же фортификации [24].

Второй вариант предполагает использование камня в заполнении. В Руди внутренний вал состоял из двойного деревянного частокола, пространство между двумя рядами балок заполнен большими кусками камня, смешанными с утрамбованной почвой [25]. Такая же ситуация прослеживалась и в конструкции внутреннего вала городища Требужень-Потырка [26].

Третий вариант сочетания каменных материалов можно проследить на основе элементов оборонительной системы из Косэуць (Сорока), на среднем течении Днестра [27]. Там ситуация немного более специфична, чем в уже описанных укреплениях. Таким образом, на начальной стадии второй оборонительной линии укрепление состояло из традиционной системы комплексных палисадов, изготовленных из дерева, которые были заполнены утрамбованной почвой. После сожжения, во второй фазе реконструкции, на том же месте было воздвигнуто новое укрепление по аналогичному принципу, но с использованием других материалов, чем те, которые традиционно использовались гетами – в данном случае камень. Фактически это новая техника и новый метод применения камня в оборонительных постройках, поскольку сам материал до тех пор уже использовался, но в другом контексте. Мы не знаем, какова была судьба обороняющих эту крепость, но вскоре после катаклизма точно в том же месте, на руинах бывшего городища, вновь воздвигаются оборонительные укрепления. Похоже, что те, кто работал над созданием новой линии обороны, были очевидцами этой катастрофы, прекрасно осознавали уязвимость ранее применявшихся строительных материалов.

Исходя из этих соображений, или, возможно, под влиянием других факторов (но, скорее, и одного и другого), новое укрепление имело другую технику строительства и другие материалы, способные справляться с нападениями, аналогичными тем, которые разрушили укрепление, построенное на первом этапе. Таким материалом был камень, которым изобилуют окружающие территории. Учитывая, что другие археологические материалы, кроме тех, которые могут быть отнесены к гетской материальной культуре, не были найдены внутри городища, мы склонны допустить, что ее реорганизация была выполнена теми, кто построил ее на первой фазе. Была воздвигнута каменная стена в сочетании с утрамбованной землей. Анализируя стратиграфию исследуемого пространства, следует отметить, что в процессе строительства были предприняты некоторые дополнительные меры. Таким образом, в местах, которые разграничивающих каменную «кладку», наблюдаются небольшие углубления. Они были сделаны предварительно на обожженной глиняной поверхности, оставшейся после разрушения вследствие пожара, первой фазы оборонительной постройки. В углублениях, формировавших две параллельные линии, был заложен фундамент из необработанных камней, связанных между собой землей. Пространство, созданное между двумя каменными кладками, была заполнено землей. Следует отметить, что воздвижение каменно-земляной стены проводилось практически в том же месте, что и деревянная конструкция предыдущей фазы, что указывает на один и тот же принцип выбора места (соотношение между ровом и местом строительства укрепления). Это может быть косвенным аргументом в пользу того, что на втором этапе укрепление было перестроено одним и тем же населением. Толщина стены составляла около 2 м, углубляясь от уровня

строительства примерно на 0,14-0,16 м. Высота каменной постройки сохранилась только в пределах 0,35-0,40 м. Исходную высоту каменной кладки труднее определить. Дело в том, что стена была уничтожена в какой-то момент (следы огня на этом уровне не были обнаружены), обрушившись преимущественно в направлении рва, но частично и во внутреннее направление. Развалины стены представлены в виде темного почвенного слоя, смешанного с камнями разного размера, многие из которых довольно крупные. Этот слой имеет среднюю толщину около 0,2 м и простирается на протяжении около 3,8 м в направлении рва и около 2,8 м в сторону внутренней части укрепления. Часть этого сооружения обрушилась в ров, на дне которого был обнаружен слой толщиной около 0,5 м, включая камни. Пытаясь сделать простейшие вычисления, мы могли бы предположить, что высота этой стены достигала около 1 м. Таким образом, в случае фортификации в Косэуць использовался необработанный камень, без раствора, образывавший две параллельные кладки, пространство между ними было заполнено утрамбованной землей. Если в случае описанных первых вариантов мы можем найти аналогию в среде локальных или вообще варварских общностей, то ситуация в Косэуць является более обособленной, ее происхождение которой прослеживается в традициях эллинов, которые при определенных обстоятельствах были переняты местным населением, естественно, с учетом их собственных потребностей. Аналогичные приемы были применены в городище Бутучень Вест (Орхей) – на нижнем течении реки Рэут [28].

Городище Бутучень также может служить примером восприятия оборонительных элементов в уже готовой форме. Речь идет о типично эллинистической каменной стене, находящей в непосредственной близости с традиционными укрепленными сооружениями варварского типа [29]. В результате археологических раскопок были обнаружены только фундамент и нижняя часть стены, прослеживавшейся до высоты 0,7-1,7 м. Длина стены составляла около 18 м с толщиной до 1,6 м. Первые два ряда фундамента были выполнены из хорошо отесанных каменных блоков прямоугольной формы с размерами от 0,3x0,5x0,8 и 0,4x0,5x1,5 м. В верхней части кладки камни были меньшего размера. У южной стороны стены сохранился бастион, построенный по той же технике. Кроме обработанного камня, при строительстве этого сооружения использовался прямоугольный кирпич фиксированных размеров (0,3x0,37x0,12 и 0,42x0,3x0,14 м). Кирпич был расположен над каменной кладкой, на глиняном растворе и, возможно, укреплен сетью деревянных балок. Несомненно, эти элементы имеют южное происхождение, наиболее правдоподобным путем их проникновения является эллинистический путь. Внедрение этих элементов происходило либо через южно-фракийские центры, где встречается аналогия такой кладки (Севтополис, Мантинееа) или непосредственно через греческие колонии западно-понтийского побережья [30]. В пользу этого говорят особые отношения, которые греки поддерживали с населением этой крепости, отношения, выводимые из огромного количества импорта греческой керамики, обнаруженной в цитадели Бутучень – около 25% от общего количества собранной керамики [2].

Несколько аналогичных ситуаций отмечено в других гетских укреплениях. Например, в Руди [31] и Сахарна Микэ [32] (на Среднем Днестре) были исследованы «бастионы», где также использовался строительный камень. Ситуация в Руди известна более поверхностно, в то время как Сахарна Микэ дает картину, которая достаточно понятна. Бастион, имевший полукруглую форму, был поднят из камня, размером 12x16x9 м. На некоторых участках стена сохраняла до девяти рядов выстроенного камня, размеры их были довольно внушительными. Следы древесины и золы указывают на надстройку на основе дерева, таких как упоминались в оборонительных конструкциях, описанных выше.

Кроме влияний, отмеченных в военном архитектурном искусстве, стоит упомянуть о сходствах в области гражданского строительства. В ряде населенных пунктов, хотя их количество на сегодняшний день невелико, были отмечены жилые постройки, в строительстве которых использовался камень. Планиметрия и техника строительства различаются, выделяя несколько способов. Первый из этих методов относится к

постройкам, имеющим основание и нижнюю часть стен, реализованную из обработанных камней, связанных глиной и песком. Верхняя часть этих построек была реализована из дерева и глины. В качестве примера можно привести жилище в Бутучень, исследованное в восточной части укрепления [33]. Чтобы поднять стены жилища, первоначально была вырыта канавка шириной 0,2-0,4 м и глубиной 0,35-0,4 м, где была заложена каменная кладка, включая обработанные образцы камня. Они имели четырехугольную форму с размерами 0,4x0,4x0,2 и 0,4x0,25x0,15 м. В сохранившихся частях постройки каменная стена иногда поднималась до 0,1-0,2 м над уровнем материка, сохранив, таким образом, максимальную высоту кладки до 0,5 м. Трудно оценить изначальную высоту каменной стены, но то, что является достоверным, это тот факт, что верхняя часть была построена из деревянного материала в сочетании с глиной. Это подтверждается находками глиняной обмазки с отпечатками прутьев, а также находками ям от деревянных надстроек, расположенных на дне канавки по периметру конструкции. В той же технике была реализована постройка № 2 в Бутучень, который была исследованная Г. Смирновым: камни фундамента, имевшего ширину около 0,3 м., были тщательно обработаны и аккуратно расположены по периметру жилища. Другим примером является комплекс «Б» в поселении Пивденное [34]. Основание и нижняя часть стены были выполнены из обработанного камня размером от 0,3x0,5 м до 0,5x0,7 м, а слой камней поднимался до 1 м.

Ко второму варианту могут быть отнесены жилища, где фундамент и нижняя части стен были сделаны из необработанного камня, связанного раствором, над которыми возвышалась надстройка из древесного материала в сочетании с глиной. Такая ситуация была обнаружена в доме № 1 комплекса «А» в Пивденном, фундамент его был изготовлен из необработанного грубого камня, связанного раствором. Одна из стен толщиной 0,6-0,7 м сохранилась до высоты 1,4 м., была сделана также из необработанного камня, связанного раствором. На поверхность сохраненной стены был нанесен слой глиняной обмазки [35]. Такая же ситуация была отмечена в комплексе в Бутучень, который похож на описанную выше конструкцию [29]. Подобную технику строительства можно наблюдать и в контексте жилища из городища Матеуць, где были прослежены следы наложения глиняной обмазки на скопление из камня [36].

Третий вариант составляют конструкции, которые имели основание из камня, а стены были подняты из обожженного кирпича и сырца (Бутучень, Пивденное). На основании наблюдений можно выделить два подтипа. В первом, как и в случае строительства жилища в Бутучень, фундамент был сделан из необработанного камня, за которым следовала кирпичная надстройка [32]. Несмотря на то, что постройка из Бутучень была исследована в послевоенные годы, и что информация очень краткая, она достаточно ясная. Среди множества найденных кирпичей был идентифицирован один целый экземпляр с размерами 0,12x0,3x0,37 м [29]. Более ясная ситуация в Пивденном, которая отражает второй подтип: при постройке фундамента был использован обработанный камень, а над ним возвышалась структура из сырцового кирпича [34].

Четвертый вариант включает конструкции, где только фундамент каменный, а стены выполнены из деревянного каркаса (переплетенные прутья на столбовой основе), покрытые глиняной обмазкой. Такие образцы были исследованы в Бутучень [32], в Ханска-Кэпрэрии и в Офатинце [37]. Толщина фундамента варьировала от 0,15 до 0,4 м.

Чрезвычайно интересной является конструкция № 5 комплекса «Б» из Пивденного. Как техника её исполнения, так и планиметрия имеют греческое влияние. В строительстве был использован обработанный камень, очень тщательно подогнанный, образуя полукруглую стену. Размеры камней колебались в пределах около 0,25 x 0,4 м, а стена сохранилась до высоты 0,7 м [34]. С точки зрения планиметрии каменные дома обычно имеют прямоугольную форму, новсе же встречаются и абсидальные формы (Пивденное). Они могут быть однокомнатными (большинство из них –Алчедар, Пивденное, Бутучени, Матеуци и т. д.), но также и двухкомнатными (Бутучень, Пивденное). Несомненно,

вышеупомянутые архитектурные признаки не имеют аналогов в варварском мире и представляют собой греческие влияния, переданные в результате отношений, которые установились между западно-понтийскими греками и варварским миром.

В то же время надо отметить, что передача греческих ценностей варварским народам было не только односторонним, но и обратным процессом, материализуясь импульсами из варварской среды в направлении греческой цивилизации. В этой связи надо вспомнить, во-первых, ранний период колонизации. Наблюдения, сделанные на более важных памятниках, расположенных на берегах Понта, показывают, что греческие поселения не сразу сформировались по прототипам своих метрополий, а испытали на себе на протяжении целого периода времени (около 80 лет) все последствия варварского влияния на внутреннюю организацию, согласно местным традициям [38]:

- отсутствие городских структур, замененных сельской организацией, характерной для варварского населения этого региона;
- отсутствие типичных полиадных элементов, таких как теменос или агора;
- отсутствие типичных греческих жилищ (наземные конструкции из камня), предпочтение углубленным в землю жилищам, которые являются абсолютно специфичными для местных традиций.

Причина такой эволюции объясняется ограниченным численным составом основателей новых структур, с одной стороны, а с другой, – условиями адаптации, что в свою очередь привело к принятию традиций варварского мира (открытые поселения сельского типа, углубленные в землю жилища и т. д.) [39]. Более того, похоже, что прибывшее греческое население также заключило супружеские связи с местным населением, учитывая, возможно, очень низкую женскую составляющую на первых этапах. Лишь только через два поколения произошел демографический взрыв, приведший к реорганизации сельских структур в типичные эллинские городские структуры [40]. Прямое присутствие фрако-гетских элементов в среде греческих колоний и определенное влияние на греков также может быть объяснено антропоническим составом некоторых греческих поселений [39]. К этому можно добавить декоративные элементы гетского происхождения, найденные в керамике северо-западных городов Понта [41], а также множество терминов, обозначающих названия лекарственных растений, проникших в греческую лексику того времени.

Таким образом, обзор сложных отношений, поддерживаемых варварским населением, в частности гетским, с эллинистическим миром, отражает двусторонние влияния в самых разных областях. Эти влияния менялись по интенсивности и по направлениям в зависимости от целого ряда причин и факторов, которые, в свою очередь могут быть разграничены и поняты именно в контексте выявления этих отношений. Являясь перспективным научным направлением, эта тема дает возможность привлечь и совместить анализ различного рода источников с возможностью поднятия на новый уровень восприятие сложных процессов, характеризующих этнокультурную эволюцию причерноморских земель в последние века до н. э.

1. Романовская М.А., Шелов-Коведяев Ф.В., Щеглов А.Н., «Городище Рудь – Метоний Птолемея?» *Вестник Древней Истории* 4 (1981): 123; Никулице И.Т., *Северные фракийцы VI-V вв до н. е.* (Кишинев, 1987):100; Мелюкова А.И., «Исследования гетских памятников в степном Поднестровье». *Краткие Сообщения Института Археологии* 94 (1963): 68.

2. Niculiță I.T., Teodor S., Zanoci A., «Săpăturile arheologice de la Butuceni, raionul Orhei (1993-1994)». *Cercetări arheologice în aria nord tracică* (București, 1995): 474-488.

3. Никулице И.Т., «Исследования поселений раннежелезного века в Ханском микрорайоне». *Археологические исследования в Молдавии* (Кишинев, 1974): 25; А. Г. Сальников, «Итоги полевых исследований у села Пивденное (1960-1962 гг.)». МАСП

5 (1966): 176-195; А. Г. Сальников, «Из истории торговых связей древних поселений на побережье Днестровского лимана с Грецией». МАСП 4 (1962): 61-72; I.T. Niculiță, S. Teodor și A. Zanoci, «Săpăturile arheologice de la Butuceni», 474-488.

4. Во II-I вв. до н.э. германские племена проникли в Карпатско-днестровскую лесостепь, присутствие которых прекратит процесс обмена с эллинистическими центрами начиная с середины II века. См. Mircea Babes, *Die Poenesti-Lukasevka Kultur* (Bonn, 1993); Vasile Iarmulschi, «Amfore grecești descoperite în mediul culturii Poieniști-Lucașeuca», *Tyragetia s.n. VI (XXI) 2* (2012): 195-206.

5. Glodariu Ioan, *Relații ale Daciei cu lumea elenistică și romană* (Cluj-Napoca, 1974): 41.

6. Arnăuț Tudor și Ursu-Naniu Rodica, *Vestigii getice din cea de a doua epocă a fierului în interfluviul pruto-nistrean* (Iași, 1996): 63.

7. Talmațchi G., «Despre semnele monetare din zona de vest și nord-vest a Pontului Euxin (secolele VI-V a. Chr.)». *Pontica* 42 (2009): 599, (588-611). Constantin Preda, *Istoria monedei în Dacia preromană* (București, 1998): 30-39; Д.Б. Шелов, «Монеты стрелки во Фракии и Скифии». in *Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева)* (Новочеркасск, 1993): 140-151; П. О. Карышковский, *Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху* (Киев, 1988): 30-34.

8. Cojocaru V., «Interferențe greco-scitice ca reflecție a circulației monetare la marginea stepei». *Cercetări Istorice, Serie Nouă XXIV-XXVI (2005-2007)*, (Iași, 2010): 95-96.

9. Preda C., *Histria III* (București, 1973): 19-47, Virgil Mihăilescu-Bîrliba, *Dacia răsăriteană în secolele VI-I î. e. n. Economie și monedă* (Iași, 1990): 43-51; А. А. Нудельман, «Античный клад из с. Ларгуца». *Труды ГИКМ 2* (1969): 122-123.

10. Нудельман А. А. *Топография кладов на территории Молдавии* (Кишинев, 1976): 45,47; Л. Л. Полевой, «Новые находки античных монет в МССР». *Советская Археология 1* (1962): 289-291.

11. Mihăilescu-Bîrliba, *Dacia*, 52-54.

12. Булатович С.А. «Клад кизикинов из Орловки». *Вестник Древней Истории 2* (1970): 54.

13. Нудельман А.А. «Античный клад», 129-134; С. А. Булатович, «Распространение золотых монет Филиппа II, Александра и Лисимаха в северо-западном Причерноморье в V-IV вв до н. е.» *ИААЮЗУ* (1980): 55-58.

14. Arnăuț și Ursu-Naniu, *Vestigii getice*, 48-49.

15. Talmațchi Gabriel, «Monede scitice descoperite în Dobrogea». *Pontica* 32 (1999): 307-312.

16. Cojocaru V. «Zwei Pharzoios-Goldstatere aus einer ukrainischen Privatsammlung». *Thraco-Dacica XX 1-2* (1999): 383-386.

17. Cojocaru, «Interferențe», 87.

18. Mihăilescu-Bîrliba, *Dacia*, 60.

19. Siculus Diodor, *Biblioteca Istorică*, XXX, fr. 19; Titus Livius, *De la întemeierea Romei*, XXXIX, 35, 4; XL, 5,10; XL, 57, 2; Plutarh, *Vieți Paralele*, Aemilianus Paulus, 9; Appian, *Istoria Romană*, 11,1; 18,1.

20. Ruscu Ligia, «Relațiile apoikilor vest-pontice cu vecinii lor greci și barbari în epocile elenistică și romană». in *Poleis în Marea Neagră. Relații interpontice și producții locale*, eds. Florina Panait Bîrzescu, Iulian Bîrzescu, Florian Matei Popescu, Adrian Robu, 21 (București: Humanitas, 2013).

21. Oppermann Manfred, *Die westpontischen Poleis und ihr indigenes Umfeld in vorrömischer Zeit*, (Langenweißbach: Beier und Beran, 2004), 140-142; A. Avram, «Coloniile grecești din Dobrogea». in *Istoria românilor*, vol, I, 597-598 (București, 2001) (533-610).

22. Cojocaru Victor, «Relațiile interpontice ale orașelor grecești de la Nordul Mării Negre și contactele acestora cu barbarii din hinterland pe baza izvoarelor epigrafice». in *Poleis în*

Marea Neagră. Relații interpontice și producții locale, eds Florina Panait Bîrzescu, Iulian Bîrzescu, Florian Matei Popescu, Adrian Robu, 97 (București: Humanitas, 2013).

23. Zanoci Aurel, *Fortificațiile geto-dacice din spațiul extracarpatic în secolele VI-III a. Chr.* (București, 1998).

24. Niculiță Ion, Teodor Silvia și Zanoci Aurel, *Butuceni. Monografie arheologică* (București, 2002): 52.

25. Романовская М. А., «Раскопки на гетском городище Рудь». *АО 1970*, Москва, 1971, 358.

26. Niculiță I., Matveev S., Potângă S., «Cetatea traco-getică Potârca». *Cercetări arheologice în aria nord-tracă III* (București, 1999): 279-343

27. Munteanu O., «Preliminarii privind sistemul defensiv de la Cosăuți, jud. Soroca». *Cercetări arheologice în R. Moldova (2000-2003)*, I (2004): 91-96; O. Munteanu, «Les elements du systeme defensif de Cosăuti, Soroca». in *Thracians and Circumpontic world*, II (Chisinau, 2004): 82-103.

28. Munteanu O., «Noi descoperiri în fortificația getică din vestul promontoriului Butuceni, Orhei (cercetările anului 2015)» *Tyragetia S.N.* vol. 1, X (XXV) (2016): 237/252; Munteanu Octavian, Moraru Sergiu, Vetrilă Maria, «Cecetările arheologice în situl fortificat Butuceni, raionul Orhei». *Arheologia Preventivă în Republica Moldova II* (2015): 33-42; Munteanu Octavian, Iarmulschi Vasile, Popovici Sergiu, «Preliminarii privind cercetările arheologice din anul 2013 la Butuceni, raionul Orhei». *Arheologia Preventivă în Republica Moldova I nr.1-2*, (2014): 55-67.

29. Niculiță Ion, «Habitatul traco-getic de la Butuceni». *Thraco-Dacica XVII 1-2* (1996): 139-167; Zanoci Aurel, *Fortificațiile geto-dacice din spațiul extracarpatic în secolele VI-III a. Chr.* (Chișinău, 2003): 57; Arnăuț Tudor, *Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați* (Chișinău, 2003) 24.

30. Babeș Mircea. «Despre fortificațiile „Cetății jidovilor” de la Coțofenii din Dos». *SCIVA 48* (1997): 212-220.

31. Романовская М.А., «Работы гетского отряда». *АО 1974 года* (Москва, 1975): 446; Романовская М.А. «Исследования на городище Рудь». *АО 1975 года* (Москва, 1976): 476.

32. Arnăuț, *Vestigii*, 26-27.

33. Никулице, *Северные фракийцы*, 97-98.

34. Сальников А. Г. «Из истории», 62; Сальников А. Г., «Итоги полевых», 179-84.

35. Сальников А. Г. «Здание «А» на поселении у с. Пивденное». *КСОГАМ*. (1963): 23.

36. Златковская Т.Д. «Городище Матеуцы» *Новое в Советской Археологии*, (Москва, 1965): 220.

37. Никулице И.Т. *Геты IV-III вв. до н. е. в Днестровско-Карпатских землях* (Кишинев, 1977): 48.

38. Кутайсов В.А., *Античный город Керкентида V-II вв до н. е.* (Киев, 1990): 70, 124; В.А. Кутайсов, *Керкентида* (Симферополь, 1992): 50; Толстикова В.П., «Пантикапей – столица Боспора». in *Очерки Археологии и Истории Боспора*, (Москва, 1992): 62.

39. Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я., «Некоторые закономерности становления и развития греческих государств в северном Причерноморье». *Стратум*(1997): 66-72.

40. Марченко К.К., «К проблеме греко-варварских контактов в северо-западном Причерноморье V-IV вв до н. е. (Сельские поселения Нижнего Побужья)». *Стратум 3* (1999): 146; Рогов Е.Я., «Экология западного Крыма в античное время». *Вестник Древней Истории 1* (1996): 84.

41. Марченко К.К. «К проблеме», 162-163.

Мунтяну О. Взаимосвязи греков и варварского населения Прото-Днестровских территорий в эпоху Латена.

Отношения населения Карпато-дунайско-понтского района с жителями южных Балкан имеют тысячелетние традиции. Доказательством этого являются свидетельства древних авторов, а также источники материальной культуры. Таким образом, начиная с Гомера, фракийские племена появляются на страницах древнегреческих произведений в самых разных ситуациях и контекстах, предоставляя ценную информацию о различных аспектах этих отношений. В дополнение к письменным источникам археологические артефакты подчеркивают образ культурных взаимоотношений. Элементы южно-балканского происхождения засвидетельствованы в археологических памятниках к северу от Дуная, начиная с эпохи энеолита, когда там еще проживали доиндоевропейские племена. С притоком индоевропейских племен греков на Балканы, эти отношения поднимутся на новый уровень, постоянно укрепляясь и расширяясь. В статье характер этих связей прослеживается в разных областях: начиная с коммерческих и дипломатично-военных отношений, доходя до отношений брачных и духовных. Важно отметить, что комплексные отношения, поддерживаемые гето-дакийским населением с представителями греческого мира, имели не только одностороннее влияние (передача греческих ценностей варварскому миру), но и обратный процесс, хорошо разграниченный многочисленными импульсами из варварской среды в направлении греческой цивилизации.

Ключевые слова: геты, греческие колонии, Латен, культурное, взаимодействие/интерференция, торговля, монеты, архитектура.

Munteanu O. Relations between the Greeks and the barbarian population of the Pruto-Dniester territories in the Latène period.

The attitude of the population of the Carpathian-Danube-Black Sea region to the relations of the southern Balkans has a thousand-year tradition. In turn, they refer both to the testimony of ancient authors, and to the sources of material culture. Thus, beginning with Homer, Thracian tribes appear in the pages of ancient Greek works in a variety of situations and contexts, providing valuable information about the various aspects of these relationships. In addition to written sources, archaeological artifacts prolong the image of cultural interference. The original elements of the southern Balkans were attested in archaeological sites to the north of the Danube from the time of the Eneolithic, when pre-Indo-European tribes existed. With the influx of Indo-European Greeks in the Balkans, these relations will have new valencies, consolidate and expand forever. In the text below, the nature of these links was pursued in various areas: commercial and diplomatic and military relations with marital and spiritual relations. It is important to note that the complex relations supported by the populations of Goethe-Dakian and the Hellenic world had not only a one-way effect (the transfer of Greek values to the barbaric world), but also a reverse process, well limited by numerous impulses from the barbarous environment to the Greek civilization.

Key words: Getae, Greek colonies, Latène, cultural interference, trade, coins, architecture.

Комментар [S1]: АНГЛИЙСКИЙ ВАРИАНТ ПЕРЕВОДА РЕЗЮМЕ НУЖДАЕТСЯ В ПОЛНОЙ ПЕРЕДЕЛК